

Увлечения

После полудня Хуан Яньцзюнь отправился к Цюй Юньме, чтобы откланяться.

Он не мог вечно оставаться в Чэньлю, пока Сяо Жун не раздобудет то самое письмо. Нужно было возвращаться в Цзяньнин, чтобы собрать войско и приготовить золото и драгоценности, которые потребовал интендант.

Изначально гость планировал задержаться на два-три дня, чтобы прощупать Великого вана, но побег Чжоу Ляна застал его врасплох. Теперь, кипя от злости, он хотел лишь поскорее вернуться на свою территорию.

Что до трёх условий, выдвинутых Сяо Жуном, то во время переговоров Хуан Яньцзюнь всячески давал понять, что не собирается их выполнять. Однако сегодня, представ перед Цюй Юньме, он внезапно изменил своё решение и заявил, что, как только получит письмо, выполнит всё беспрекословно.

Сяо Жун не присутствовал при прощании. Хуан Яньцзюня принимали Цюй Юньме и Гао Сюньчжи. Когда канцлер пересказал ему их разговор, молодой человек понял: тот твёрдо решил убить Хуан Кэцзи.

Цюй Юньме был связан долгом чести перед Хуан Яньцинем, и это уже ставило его в крайне невыгодное положение. Хуан Яньцзюнь не был глупцом и никогда не оставил бы письменных обещаний, которые могли стать доказательством и заставить его отдать огромное состояние. Требование Сяо Жуна было лишь уловкой, чтобы заставить врага поверить, будто его принуждают к невозможному. Во-первых, это усыпляло его бдительность. Во-вторых, интендант рассчитывал, что тот станет торговаться и в итоге согласится предоставить Хуан Кэцзи некие реальные блага. С ними юноша перестал бы быть таким беззащитным и, вернувшись в Цзяньнин, не оказался бы снова в положении человека, живущего с оглядкой на чужую милость.

Но кто бы мог подумать, что Хуан Яньцзюнь согласится.

Он пошёл на столь нелепое требование лишь потому, что знал — оно никогда не будет исполнено. Путь от Чэньлю до Цзяньнина долог. Если Хуан Кэцзи погибнет в результате «несчастливого случая», Цюй Юньме, даже подозревая неладное, не сможет открыто его обвинить.

Проведя много времени в армии Чжэньбэй, где всё решалось в открытом бою, Сяо Жун чувствовал отвращение к подобным интригам. На последующем пиру он так и не появился. Когда Хуан Яньцзюнь прибыл, для него не устраивали банкета, но проводить его без должных почестей было бы невежливо. Гость, прибывший издалека, остаётся гостем. Пусть даже за

столом царила натянутая атмосфера, а еда не лезла в горло, ритуал следовало соблюсти.

На переднем дворе шло шумное веселье с песнями и танцами. Новые певицы и танцовщицы достались им от прежнего инспектора Чэньлю, который содержал их при своей резиденции. Он хотел забрать их с собой, но Сяо Жун не позволил. Армии Чжэньбэй как раз не хватало подобных развлечений. Что это за вид — принимать гостей и не иметь возможности выставить на сцену даже нескольких танцовщиц? Не самому же ему выходить и плясать... Хотя руки и чесались показать своё мастерство, мысль о том, как в эту эпоху относятся к танцовщицам, мгновенно охлаждала его пыл.

Он не хотел, чтобы его презирали.

Инспектор Чэньлю, конечно, не догадывался о мыслях интенданта. Узнав, что армия Чжэньбэй не тронула ничего из его имущества, но задержала прекрасных, как цветы, артисток, он изменился в лице.

***

В то время как на переднем дворе царило веселье, в покоях Сяо Жуна было тихо.

Они только что поужинали. Молодой человек проверял домашнюю работу Сяо И за последние два дня, а старая госпожа, бодрая и проворная, расхаживала по комнате, всё осматривая.

То ей не хватало подушки на кушетке, то цвет его одежд казался неподходящим. Она говорила сама с собой, не нуждаясь в собеседнике. А Шу скучающе стоял рядом, следя лишь за тем, чтобы она ничего не натворила.

Младший брат с тревогой наблюдал за Сяо Жуном. Тот ещё не успел задать ему тему, и это сочинение И-эр написал ещё по дороге в Чэньлю. Узнав, что брат хочет его прочесть, юноша всю ночь вносил правки и переписал текст на лучшую бумагу.

В нынешние времена бумага делилась на множество сортов, и у каждого было своё название. Сяо Жун не мог запомнить всех этих сложностей, зная лишь, что одна бумага продаётся по цене золота, другая — по цене серебра, а за третьей гонялись все учёные мужи, но цена её была заоблачной.

Последняя, как правило, была овеяна славой какого-нибудь гения или связана с чудесной историей, но производили её исключительно великие кланы.

Искусство изготовления бумаги не было тайной, но продукция простолюдинов получалась хрупкой и недостаточно гладкой. Простые люди не знали грамоты и бумагой почти не пользовались, поэтому никто и не занимался улучшением технологии. Знатные же фамилии постоянно совершенствовали своё мастерство. Лучшие сорта уже достигли уровня зрелой

бумаги «шусюань». Она медленно впитывала воду, но хорошо держала форму, что делало её идеальной для повседневного использования.

Настоящая бумага «шусюань» должна была войти в обиход лишь через сто-двести лет, а сейчас она была предметом роскоши. По словам торговцев, в неё добавляли слюду, киноварь, золотой порошок и сосновую смолу. Добавляли ли на самом деле — никто проверить не мог, ведь в итоге получалась всё та же белая с желтоватым оттенком поверхность, на которой невооружённым глазом можно было различить лишь выступающие волокна.

Но так говорили торговцы, и поскольку все перечисленные ими компоненты стоили недёшево, цена на бумагу становилась ещё выше.

Когда Сяо Жун уезжал, И-эр отдал ему стопку этой лучшей бумаги, что оставалась в доме. Себе мальчик оставил всего двадцать листов на память и в обычное время не смел их использовать. Но сегодня, поскольку старший брат впервые проверял его домашнюю работу, он в волнении переписал всё на этот драгоценный лист.

Сяо И сжимал руки, не зная, куда их деть от напряжения. Он и не подозревал, что у Сяо Жуна в глазах уже плыли круги.

«Как... заумно»

Его познания в литературе ограничивались умением читать традиционные иероглифы, а расставлять знаки препинания он научился уже в этой эпохе. Младший брат, хоть и был мал, держать кисть умел с тех пор, как научился ходить. Клан Сяо возлагал все надежды на то, что дети смогут вернуть семье былую славу, и чтение было единственным занятием И-эр с самого детства.

Понимая, что читает с большим трудом, Сяо Жун не подавал виду. Он знал, как сильно тот им восхищается, и не хотел спускаться с пьедестала.

Сделав вид, что дочитал до последней строчки, Сяо Жун отложил бумагу и, подняв голову, улыбнулся мальчику.

— Очень хорошо, но есть куда расти.

Только тогда Сяо И снова осмелился дышать. Он понурил голову, выглядя немного расстроенным, но тут же снова поднял взгляд и сжал кулаки.

— В следующий раз я не разочарую старшего брата!

«В следующий раз лучше покажи это кому-нибудь другому»

Помолчав немного, Сяо Жун снова взял лист. Пощупав его толщину и ощутив гладкость поверхности, он нахмурился.

— И-эр, где ты купил эту бумагу?

Юноша замер. Поджав губы, он инстинктивно покосился на старую госпожу и А Шу. Первая увлечённо рассуждала, какие нитки купить, чтобы сшить новую одежду, второй витал в облаках.

Только тогда мальчик с облегчением вздохнул и, придвинувшись к брату, прошептал:

— Старший брат, это не покупное. Это доля, которую выделяет главная ветвь клана.

Сяо Жун моргнул, и лишь через мгновение удивлённо переспросил:

— Даже бумагу выдают?

Вот это да, старый великий клан! Просто поразительно! В их доме эта лучшая бумага осталась от давних времён, всего одна стопка с небольшим. Их семью изгнали сорок лет назад, и если за сорок лет столько ещё осталось, то сколько же им выдали изначально!

И-эр снова взглянул на тех двоих и прошептал ещё тише:

— Старший брат, эта бумага называется «Сяогун чжи». Её изобрёл наш предок, Сыту Сяо. И по сей день это один из главных источников дохода главной ветви клана Сяо.

Сяо Жун замер. Он только что ломал голову, кто же так бессовестно продаёт бумагу по цене золота, и оказалось, что это его собственный, пусть и номинальный, клан.

На душе стало как-то странно. Он опустил взгляд на лист, и чувства стали ещё сложнее.

Справедливости ради, качество было отменным. За сорок лет при должном хранении пожелтели лишь края, а в остальном она была как новая.

Но даже такое качество не оправдывало подобной цены!

Сяо Жун не был против предметов роскоши, но он был против того, чтобы производитель монополизировал целую отрасль и запрещал простолюдинам использовать альтернативы. Всё это делалось лишь для того, чтобы провести черту между знатью и простонародьем.

Поджав губы, он тоже тихо спросил младшего брата:

— Кроме клана Сяо, кто-нибудь ещё занимается продажей бумаги?

Сяо И был настоящим учёным мужем и разбирался в таких вещах лучше. Поразмыслив, он ответил:

— Клан Ху из Юнцзя продаёт «Синхуа чжи», а клан Цзин из Улина — «Цзинхоу чжи», но они не так известны, как «Сяогун чжи».

Ну конечно, по названиям и так всё ясно. Один — «гун», другой — «хоу». Последний, разумеется, уступал первому.

Сяо Жун мельком просматривал родословную знатных кланов. К первому рангу относились Хэ, Сунь из Пиньяна, Ян из Юйчжана и Ян из Цзянся. Кланов второго ранга было восемь, и Сяо с Цзин были в их числе. О клане Ху, упомянутом младшим братом, интендант не слышал, скорее всего, он был рангом ниже.

Третьего ранга было ещё больше, более двадцати. Кроме них, существовали и те, кто не входил в систему, но всё же числился в книгах. Всего — более шестидесяти фамилий. Может показаться, что это много, но кланов, не вошедших в эти списки, было несравнимо больше. Бесчисленное множество людей лезли из кожи вон, чтобы попасть в ряды знати, но великие кланы не достаивали их даже взгляда.

Учёные мужи держались вместе, а великие кланы — и подавно. Сяо Жун не хотел так скоро вступать в конфронтацию со знатью, а тем более со своей нынешней семьёй. В конце концов, его личность была фальшивой. Если главная ветвь клана обнаружит неладное, он больше не сможет появляться на людях, и, что самое ужасное, Цюй Юньме может перестать ему доверять.

Однако, если цена на бумагу не снизится, его план по привлечению учёных мужей окажется под угрозой. Если первый литературный сборник не вызовет ажиотажа, то последующие будут встречены ещё прохладнее. А ведь он рассчитывал постепенно развить эти собрания в систему государственных экзаменов. Нельзя было потерпеть неудачу в самом начале.

Интендант погрузился в раздумья. Как снизить цену на бумагу, не привлекая преждевременного внимания великих кланов?

Не успел он ничего придумать, как в дверь постучал стражник.

Это было новое правило: прежде чем войти, нужно стучать, а не врывать без спроса.

А Шу наконец очнулся от своих мыслей и, получив донесение, подбежал к господину.

— Господин, Хуан Яньцзюнь и его люди покинули город. Они хотят выехать до наступления

комендантского часа.

Прибыли под покровом ночи и уезжают так же. И ни в том, ни в другом случае ничего хорошего не замыслили.

Сяо Жун кивнул и по привычке потянулся за кистью, но, вспомнив, что И-эр всё ещё здесь, замер на мгновение. Вместо того чтобы писать, он просто приказал А Шу:

— Найди генерала Цзянь. Пусть выберет несколько сообразительных людей и тайно проследит за Хуан Яньцзюном. Если случится непредвиденное, пусть немедленно вмешаются.

Слуга кивнул и выбежал вон. Сяо И впервые видел, как старший брат занимается делами. Спокойно отдающий приказы Сяо Жун казался ему незнакомым, но вызывал еще большее восхищение.

Юноша осторожно спросил:

— Старший брат, Хуан Яньцзюн — это брат Хуан Луцзяна?

В старину к чиновникам обращались, сочетая их фамилию и название местности, но теперь чаще использовали должность. Однако к тем, кто пользовался большим уважением, по-прежнему применяли старую форму в знак почтения.

Хуан Яньцин соответствовал этому стандарту. Среди учёных мужей он пользовался высоким авторитетом, поэтому его уважительно называли Хуан Луцзян.

Что до Хуан Яньцзюна, то он был далёк от того, чтобы его именовали Хуан Цзяньнин.

Интендант взглянул на И-эр и улыбнулся.

— Да. Но твоя задача сейчас — продолжать учиться. С этими делами ты ещё столкнёшься в будущем, но всему своё время. Человек, знающий всего понемногу, не сможет завоевать уважения.

Мальчик покраснел и послушно кивнул.

— Да, И-эр будет слушать старшего брата.

— Если устанешь от учёбы, выходи прогуляться, посещай местные литературные собрания, знакомься с людьми.

Юноша открыл было рот:

— Но разве старший брат не велел мне притворяться гением? Гении ведь должны поражать всех внезапно. Если я заранее буду общаться с этими учёными, они по моим словам поймут, что я не так уж и умён.

Сяо Жун замер. А ведь верно, об этом он не подумал. Он рассмеялся.

— Похоже, ты очень серьёзно отнёсся к этому делу.

— Я просто хочу помочь старшему брату, — смущённо ответил И-эр.

Сяо Жун встал и похлопал младшего брата по плечу.

— Ты уже помогаешь.

С этими словами он направился к выходу. Юноша растерянно сделал за ним два шага.

— Старший брат, ты куда?

— Пойду поговорю с одним человеком, — махнул рукой Сяо Жун, не оборачиваясь.

Сяо И почувствовал укол разочарования. Старший брат был так занят. Если бы он сегодня не решил пропустить встречу с гостями, у них бы не было возможности провести вместе столько времени. Тихо вздохнув, юноша собрал со стола вещи и, подойдя к бабушке, помог ей выйти из комнаты.

***

Человеком, которого искал Сяо Жун, был Юй Шаосе.

Одно дело он хотел было поручить брату, но слова того напомнили ему, что нынешнее положение И-эр не подходит для некоторых задач. Поэтому оставалось лишь обратиться к Шичжуну Юю, с которым сложились неплохие отношения.

Интендант редко сам приходил к нему, и Юй Шаосе был приятно удивлён. Хмель от вечернего вина тут же выветрился. Но выслушав Сяо Жуну, он заподозрил, что так и не протрезвел.

— ...Младший брат Сяо, повтори, пожалуйста.

Сяо Жун странно на него посмотрел. Ну, раз просит, можно и повторить.

— Я надеюсь, старший брат Юй поможет мне найти одного-двух учёных мужей. Талантливых, способных искусно слагать тексты. Желательно, чтобы у них была семья, и чтобы они были готовы на всё ради денег.

— ...

По отдельности эти требования не вызвали вопросов, но вместе звучали слишком странно.

— Младший брат Сяо, зачем тебе такие люди? — не удержался он от вопроса.

Молодой человек не стал скрывать.

— Писать пьесы.

— Что такое пьесы? — уставился на него Юй Шаосе.

«Вот она, культурная пустыня»

Театр в эту эпоху существовал, но он сильно отличался от того, что был известен поздним поколениям. Это был скорее театр одного актёра, где один человек от начала и до конца либо рассказывал, либо пел, и на сцене не появлялся никто другой.

Формы театрального искусства также были разделены: пьеса была пьесой, а песня — песней. Актёры выступали без аккомпанемента, мелодия была крайне простой, один и тот же мотив повторялся на протяжении всего представления.

Сейчас, когда не было обеспечено даже самое элементарное выживание, Сяо Жун не собирался вкладывать силы в индустрию развлечений. Его требования были скромны: найти человека, владеющего популярным в то время «параллельным стилем из четырёх и шести иероглифов». Если бы он мог, он бы написал всё сам, но не владел этим стилем.

Юй Шаосе требовал объяснений. Сяо Жун изложил свой замысел: во-первых, показать народу что-то новое; во-вторых, собирать плату за вход, пополняя казну; в-третьих, использовать силу театра для того, чтобы обелить репутацию армии Чжэньбэй.

Шичжун Юй всё понял. Хоть он и был пылким идеалистом, но к новому относился с интересом. Выслушав половину, он уже готов был засучить рукава и взяться за дело сам, но, когда услышал, что пьесы будут писаться для простых людей, пыл его угас. Хотя он и хотел сделать что-то для народа, мысль о том, что его творения будут оценивать неграмотные простолюдины, задевала его гордость.

Сяо Жун видел его сомнения и не стал настаивать. Юй Шаосе был прав, по крайней мере, для своей эпохи. Учёные мужи не признали бы тех, кто пишет подобные тексты. Возможно, в будущем их назовут основателями искусства, но к тому времени Юй Шаосе уже давно будет мёртв.

Как бы то ни было, он согласился помочь, но у него оставался один вопрос:

— Действительно, только учёный муж, испытывающий нужду, возьмётся за такую работу. Но почему ты непременно требуешь, чтобы у него была семья? Неужели только семейные могут написать то, что тебя удовлетворит?

— Нет, — моргнул Сяо Жун.

Юй Шаосе с недоумением посмотрел на него.

— У семейного человека есть то, что он боится потерять, — улыбнулся интендант. — Его не подкупят парой фраз, чтобы он отказался от всего и побежал кричать на каждом углу, что эти пьесы — мой заказ. Человек, у которого есть жена и дети, не посмеет меня обидеть.

— ...

Юй Шаосе показалось, что после таких слов даже человек без жены и детей не посмеет обидеть младшего брата Сяо...

***

На следующее утро Юй Шаосе отправился на поиски нуждающегося учёного мужа. Сам же Сяо Жун тщательно нарядился. Он облачился в полный костюм учёного-чиновника, прикрепил к поясу две нефритовые подвески и, немного поколебавшись, всё же решил не брать с собой меч.

Сегодня ему предстояла встреча с местными магнатами и тремя старцами. Репутация армии Чжэньбэй и так была грозной, не стоило усугублять стереотипы.

На встречу с богатыми семьями Сяо Жун и Гао Сюньчжи отправились вместе. К трём старцам позже должен был присоединиться и Цюй Юньме.

Местные магнаты не обладали высоким статусом, но три старца пользовались всеобщим уважением.

Система трёх старцев была учреждена несколько сотен лет назад, когда должностей было мало. С установлением феодальной монархии их роль возросла. Помимо трёх старцев в каждом

городе, такие же должности были созданы и при дворе для продвижения принципа сыновней почтительности.

Но времена изменились. В эпоху великого переселения народов варвары не подчинялись старикам, они уважали силу. Система трёх старцев пошатнулась и постепенно стала формальностью.

При династии Юн она была окончательно упразднена. Двор больше не учреждал этот пост, но в городах жители сами избирали старцев. Люди больше доверяли им, чем чиновникам. Лишившись политического значения, институт трёх старцев вернулся к своим истокам — они снова стали голосом народа.

Сяо Жун не знал, каковы эти люди в Чэньлю, но это была лишь формальная встреча.

Визит к богатым семьям был назначен на утро. Когда интендант вышел, Гао Сюньчжи уже ждал его, и они вместе направились в зал для совещаний.

Они могли позволить себе не торопиться, но прибывшие главы кланов — нет. По-настоящему влиятельные семьи сегодня бы не явились. Пришли лишь те, кто был посмелее.

В ближайшее время Сяо Жуну придётся много с ними сотрудничать, поэтому он надел на лицо улыбку и вошёл в зал.

И тут же замер на пороге.

Гао Сюньчжи, не понимая, в чём дело, шагнул за ним. Увидев их, главы семей тут же поднялись. Один из них подобострастно улыбнулся.

— Канцлер Гао, интендант Сяо, это две незамужние девушки из моего клана. Они довольно сообразительны. Я привёл их сегодня в надежде, что вы примете их к себе. Пусть в будущем исполняют обязанности служанок.

Не успел он договорить, как остальные наперебой стали предлагать то же самое. Последний в спешке даже проговорился, сказав, что они заранее разузнали об увлечениях Инь из Чэньлю и, зная его вкусы, надеются, что интендант Сяо не откажется от дара.

Гао Сюньчжи остолбенел. Он резко повернул голову и с изумлением уставился на товарища.

«Это увлечения А Жуна?! А Жун, твоё тело в таком состоянии, откуда у тебя такие... утомительные увлечения!»

Сяо Жун замер, не в силах вымолвить ни слова.

«Враньё! Нет у меня таких увлечений!!!»

<http://bllate.org/book/15355/1423453>